

или иной части императорских актов⁸. Ученый обошел молчанием вопрос о том, насколько соответствует структура прооимиев Димитрия Кидониса классификации, предложенной Г. Хунгером, в частности выделению им двух- и трехчастных прооимиев⁹. Можно было бы

выделить в прооимии № 2 такую часть, как *petitio*.

Публикация Ф. Тиннефельда вносит весомый вклад как в изучение творчества Димитрия Кидониса, так и в исследование поздневизантийской риторики и дипломатики.

М. А. Поляковская

K. E. Müller. *Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1980, Teil II. 563 S.

Работа Клауса Мюллера представляет собой второй том (первый вышел в 1972 г.) исследования, имеющего целью охватить всю историю этнографической науки в древности. Этот том состоит из трех разделов: Рим, христианская древность и средневековье, Византия. Ниже мы остановимся лишь на этом последнем (с. 397—520), хотя отдельные упоминания о византийских авторах содержатся и во втором разделе. В предисловии автор рассказывает, с какими народами приходилось Византии сталкиваться, повествует о миссионерской деятельности (почему-то не говоря о крещении Руси), о специфике византийской образованности и науки, а затем (с. 417—449) переходит к представлениям империи о «варварах», рассматривая истоки, характерные черты и особенности этих представлений. По мнению автора, успехи византийской историографии объяснялись тем, что в этой сфере нельзя было впасть в ересь. В своих этнографических экскурсах истории подчас достигали убедительности и достоверности, практические нужды торговли и дипломатии побуждали ромеев интересоваться окружающими народами, но следование канонам античности, приверженность стереотипу и предубеждение против «варваров» мешали «созданию солидной познавательной и предсказательной этнологии» (с. 538). Идеология культурного субъективизма вела Византию к «историческому солипсизму». Далее следуют очерки, посвященные отдельным писателям: Иордану, Агафию, Кориппу, Прокопию, Феофилакту Симокатте, Льву Диакону, Никифору Григору, Лаонику Халкондилу (с. 449—498). В заключительном разделе отмечается, что присущее византийцам представление о своей избранности имело следствием вычеркивание «варваров» из истории. Общими проблемами развития культуры в Византии также никто не интересовался (в качестве исключений названы Цец и Косьма Индикоплов). Над причинами культурных различий задумывались, согласно К. Мюллеру, Прокопий и Агафий. В целом же византийцы не использовали открывавшихся перед ними возможностей. Традиционализм стал их проклятием. Таков вывод автора книги.

Поскольку двухтомная монография К. Мюллера носит обзорный характер, охватывает громадный период времени и включает упоминание о сотнях источников, вполне естественно, что многие разделы написаны по литературе. Скорее можно пожалеть о другом: число использованных автором византиноведческих работ не так уж велико, чуть больше 50, из коих 20 — это издания и переводы текстов. Автор не уберется от ряда досадных оговорок, некоторые из которых мы отметим: Святослав стал киевским князем никак не в 961 г. (с. 403); монголы разбили половцев в 1223, а не в 1239 г. (с. 404); афинская Академия существовала до 529 г., а не до «середины VI в.» (с. 410); утверждение, будто Прокопий был в Константинополе до начала своей службы у Велисария (с. 467), не имеет под собой оснований; вряд ли можно говорить об аварской экспансии до второй половины VI в. (с. 475); протоболгары Аспаруха перешли Дунай не при Константе II (с. 484), а при Константине IV; наконец, никак нельзя считать сообщения Льва Диакона о русских и болгарях древнейшими известиями об этих народах (с. 481). Однако дело не в этих оплошностях.

Посмотрим, представлен ли список авторов, рассматриваемых в книге. Среди писателей, заслуживших отдельную рубрику, мы находим Кориппа, занимающего весьма специфическое место в византийской литературе; и Иордана, строго говоря, вообще к ней не относящегося¹, но не встречаем ни Анны Комниной, ни Никиты Хониата. Лишь случайных упоминаний походя удостоиваются Приск, Менаандр, Пселл. Вообще ни разу автор не вспомнил про Феодосия Диакона, Атталиата, Маврикия и т. д. Однако и из привлекаемых авторов далеко не все известия используются, как, например, свидетельства об аварах у Кориппа, о персах у Прокопия, о славянах у Симокатты и др.

Будем, впрочем, говорить о том, что есть в книге Мюллера, а не о том, чего в ней нет. Многие тезисы автора могут вызвать возражение. Так ли уж редка в Византии идеализация «варваров», как это ему представляется (с. 434)? Можно ли согласиться с тем, что «как на западе, война

⁸ Яковенко П. А. Указ. соч., с. 85—86.

⁹ Hunger H. Op. cit., S. 188—208; Dölger F., *Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre*. München, 1968, Bd. 1, Abschnitt 1, S. 121—122.

¹ Не допускает ли автор ошибки, повсеместно ставя на одну доску византийские отзывы о «варварах» и отзывы «варварских» христианских писателей о языческом прошлом собственного народа (см. с. 424; ср. там же, примеч. 161; ср. с. 449, 455—457)?

против варваров была освящена религией» (с. 437)? Действительно ли византийцев мало занимали общественное устройство и верования «варваров» (с. 443, 448)? Но самое большое недоумение вызывает главный тезис автора. Задавшись целью «облегчить этнографам доступ к духовному базису их науки» (см. Предисловие к I тому), он, то ли сознательно, то ли непроизвольно, начинает раздавать византийцам отметки, отправляясь от современного состояния этнографии. В адрес древних писателей сыплются упреки и укоризны: в Иордане нет оригинальности (с. 457), Агафий, описывая некий обычай франков, не раскрывает его религиозной подоплеку (с. 461), Корипп всем хорош, «жаль только, что он чувствовал призвание лишь к поэзии, а не к этнографии» (с. 444). За Прокопием «оригинальности ни в изложении, ни в подходе к построению этнологической теории признать нельзя» (с. 479), хотя его извиняет то, что, «будь у него средства и возможности, он попытался бы добыть более обширную информацию» (с. 468). У Симокатты «нет этнографического взгляда на вещи» (с. 480), у Григоры «нет этнографических интересов в собственном смысле» (с. 489), да и труд Халкондила «опять послужил не на пользу этнографии» (с. 489). К. Мюллер будто не помнит, что наука, в которой византийцы, по его мнению, оказались не на высоте, зародилась лишь в XVIII в. В поисках духовных истоков современной этнографии мы не выйдем за пределы нового времени. Вот если поставить вопрос по-другому: что в чужих культурах занимало место, где у нас находится этнография, — тогда можно рассчитывать на более полный ответ, но тот будет куда крепче привязан к общим проблемам данной культуры, чем этого хочется К. Мюллеру.

Приведем курьезный пример. Автор говорит, что когда византийцам не удавалось заменить реальный этноним книжным, они прибегали к «третизированию окончаний — Τσέχοι Ὀστρίχοι» (с. 440). Но как еще предложил бы К. Мюллер склонять иноязычные слова, если не по правилам своего языка? Ведь и сам он здесь же называет чехов Tschehen. Другое дело, что иногда византийцы вообще не склоняли этноним, — но именно это было признаком особой архаизации, поскольку так фигурируют народы в Септуагинте; путь, проделанный, скажем, именем русского народа в византийской литературе — от οἱ Ῥῶς к οἱ Ῥῶσαι — чрезвычайно знаменателен, но при этом не имеет ничего общего с реальным плюрализмом древнерусского языка. Этот пример относится к парадигме языка, но может быть распространен и на парадигму культуры. К. Мюллер сетует, что у ромеев не было «своей инициативы, стремления к оригинальности» (с. 415), он их искренне за это жалеет (с. 417; 439; 442; 445), ему тем обиднее, что возможности у византийцев были огромные: когда приходила нужда, они умели быть наблюдательными (с. 415; 418; 440 442; 464; 475). По мнению автора, вся беда

в том, что «у империи были дипломаты и купцы, но не было пытливых натур» (с. 418; 462). На самом же деле вряд ли можно отказать в любознательности Приску или Константину Багрянородному, причем их интересовало отнюдь не только то, что могло иметь прикладное значение. Однако жанровые законы, иерархичность в восприятии фактов заставляли византийцев в своих произведениях, особенно тех, которые они сами причисляли к «настоящей» литературе, изменять этнографическую действительность подчас до неузнаваемости. Если перестать этому огорчаться, то можно будет попытаться выяснить, что стояло за штампом (ср. работы Р. Бенедикти, Б. Застеровой), какова семантическая нагруженность контрапункта между штампом и нештампом, как переосмыслился штамп на уровне метаструктуры. Тогда можно будет спокойно рассмотреть, в чем состояли приобретения, а в чем — потери византийской «этнографии» сравнительно с греческой и римской.

Например, в рецензируемой книге говорится, что ромеи испытывали отвращение к «варварским» языкам и когда им нужно было употребить какое-либо иностранное слово, они специально за это извинялись (с. 440). Все так, хотя оценка подобного извинения несколько корректируется тем обстоятельством, что так же оговаривались и греческие слова-неологизмы, нарушавшие иллюзию аттицизма. Но главное, следует еще разобратиться, где больше «варварских» языковых вкраплений — в античной литературе или византийской. Во всяком случае, фигура Константина Философа с его ненасытной лингвистической любознательностью вряд ли имеет аналогии в древности.

К. Мюллер уверен, что Прокопий «не был бы лидером в византийской историографии, если бы он не старался во всем точно следовать образцу великих классиков» (с. 469). При такой позиции автора, естественно, удивляет, что из Прокопиевых этнографических экскурсов «лишь немногие следуют классической схеме» (с. 475), тем более что в них «он не знает себе равных даже в античности» (с. 472). Однако настоящего разбора структуры экскурса не получается, поскольку автор, уделяя этой теме довольно много места (с. 471—479), не привлекает для анализа всего имеющегося материала, а скорее стремится продемонстрировать, в чем историк отклонился от античной схемы. Таким образом, слова, сказанные о Прокопии: «...его этнология остается фиксированной на констатациях от противного», — могут быть адресованы самому К. Мюллеру.

И последнее замечание. Автор рецензируемой работы не признает за византийской литературой какой бы то ни было самостоятельной ценности, авторы от VI до XV в. представляются ему хаотической толпой, этнографических возрений того или иного писателя он никак не связывает ни с художественной установкой, ни с духом времени. Все отмеченные черты настолько характерны для опре-

деленного и давно укоренившегося учебного стереотипа во взгляде на Византию, что невольно возникает искушение переадресовать самому К. Мюллеру и еще

один упрек, который он столь часто бросает византийцам, а именно упрек в традиционализме.

С. А. Иванов

Eliz. A. Zachariadou. *Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415)*. — Library of the Hellenic Institute of Byzantine and Post Byzantine Studies. Venice, 1983, N 11. XXXVI + 276 p., 2 pl.

Монография профессора Монреальского университета Элизабет Захариаду представляет собой исследование всего комплекса взаимоотношений Венецианской республики и турецких эмиратов Айдын и Ментеше со времени их образования на Эгейском побережье Малой Азии вплоть до их окончательного поглощения Османским государством. В книге впервые публикуются восемь договоров, заключенных венецианскими дуками Крита с эмирами бейликов Ментеше и Айдын в период с 1331 по 1407 г.

Исследование этих документов позволило Э. Захариаду существенно расширить представления (сложившиеся благодаря работам В. Гейда, Л. де Мас Латри и Фр. Тирье) о венецианско-турецких взаимоотношениях в XIV — начале XV в. С выходом монографии Э. Захариаду можно уже с полным основанием утверждать, что Эгейское побережье Малой Азии занимало особое место в сфере коммерческих интересов венецианских купцов. В первой половине XIV в. по ряду причин тамошние рынки приобрели крайне важное значение для республики Св. Марка: папские интердикты периодически нарушали ход венецианской торговли с Мамлюкским султанатом, доступ на византийские рынки был затруднен, на Черном море господствующее положение занимали генуэзцы. Перед венецианцами стояла, таким образом, задача найти новые рынки, чтобы обеспечить, в первую очередь зерном, свои обширные владения в Романии.

Первую часть своей книги, посвященную политической истории региона (с. 1—121), Э. Захариаду начинает с рассмотрения общеполитической ситуации в Романии в первой трети XIV в. (с. 3—20), в основном уделяя внимание Хиосу, перешедшему в руки генуэзского клана Дзаккария, и Родосу, ставшему оплотом Ордена госпитальеров. Далее автор переходит к анализу каталонско-турецких и византийско-турецких отношений этого периода. Как отмечает Э. Захариаду, угроза морским коммуникациям и островным владениям Венеции стала ощутимой с конца 20-х годов XIV столетия (в 1332 г. дука Наксоса даже был вынужден пойти на заключение соглашения с турками, по которому обязался

выплачивать дань). По этой причине республика Св. Марка стала настойчиво ратовать за создание антитурецкой лиги.

Во второй главе (с. 21—40) показано, что успеху созданной в 1332—1334 гг. лиги, в которую вошли Венеция, Орден госпитальеров, король Кипра и другие участники, способствовали распри среди турецких эмиров. Республике Св. Марка удалось добиться дружественного нейтралитета со стороны бея Ментеше и влиятельного эмира Гермянского бейлика. Уже в 1331 г. дука Крита Марино Морозини заключил первое торгово-политическое соглашение с Орханом Ментешеоглу (Дос. 1331 М), причем, по мнению автора (с. 18), есть все основания полагать, что подобные договоры могли быть заключены с эмиром Ментеше еще до 1318 г. Флот лиги одержал крупные победы над турками, и это вынудило айдынских беев, наиболее досаждавших своими набегами владениям Венеции в Романии, пойти на заключение мирного соглашения (Дос. 1337 А). Было подтверждено также и прежнее соглашение с беем Ментеше (Дос. 1337 М).

Интересны собранные автором данные о деятельности Марино Морозини в качестве Генерального капитана лиги. Они позволяют, на наш взгляд, с большим доверием относиться к сообщению турецкой хроники Энвери (составлена в 1465 г.) о нападении соединенного флота «текфура», госпитальеров и кипрского короля в конце 1333 г. на Смирну¹. Ведь этим «текфуром» как бывший дука Крита вполне мог быть Марино Морозини.

Одним из важных последствий успешных действий лиги было сближение эмиратов Айдын и Сарухан с Византией, которая во время Фокейской войны (1335—1336) с генуэзцами нашла в лице турок естественных союзников.

Э. Захариаду отмечает, что передышка, полученная латинянами Романии, была непродолжительной, и в следующей главе своей работы (с. 41—62) рассматривает причины создания новой антитурецкой лиги и ход борьбы за Смирну — гнездо корсаров Умура Айдыноглу. Используя ряд ранее не привлекавшихся источников², Э. Захариаду удачно дополняет известные работы П. Лемерля к К. М.

¹ *Le Destan d'Umur Pacha/Texte*, trad. et notes par I. Melikoff-Sayar. — In: *Bibliothèque byzantine*. P., 1954, Doc. 2, v. 835—848.

² Например: *Morozzo Della Rocca R. Lettere di mercanti a Pignol Zucchetto* (1336—1350). Venezia, 1957. Э. Захариаду также справедливо (с. 44, примеч. 174) отмечает, что анонимный неаполитанский автор XIV в. (*Historiae Romanae Fragmenta*. — In: *Antiquitates Italicae Medii Aevi/Ed. L. Muratori*, Milano, 1740, v. III) заслуживает большего доверия: очевидно, имея в виду скептическое отношение к его сочинению, установившееся после отрицательной оценки Н. Йорги (см.: *BZ*, 1906, XV, p. 194, note 3).